

На правах рукописи

ПИРОЖЕНКО Олег Степанович

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В
КОРЕЕ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ЧОСОН
(КОНЕЦ XIV-XV ВВ.)**

**Специальность 5.6.2.
Всеобщая история**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Диссертация выполнена в Международном учебно-научном центре корееведческих исследований Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

**Научный
руководитель:**

Асмолов Константин Валерианович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

**Официальные
оппоненты:**

Смертин Юрий Григорьевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (КубГУ).

Чеснокова Наталья Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности Факультета гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

**Ведущая
организация:**

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (ДВФУ).

Защита состоится «14» декабря 2026 г. в ____ ч. на заседании диссертационного совета по историческим наукам 24.1.041.01 на базе ФГБУН «Институт востоковедения РАН» по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН «Институт востоковедения РАН» (г. Москва, ул. Рождественка, д. 12) и на сайте института: www.ivran.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Петрова А.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено развитию системы провинциального управления в Корее в конце XIV-XV вв. Специфика ее формирования была обусловлена историческими особенностями становления государственности Чосон (1392-1897) после прихода к власти династии Ли в 1392 г. Процесс государственного строительства, растянувшийся почти на столетие, был длительным и сложным. Он сопровождался вспышками внутриэлитных противоречий, источниками которых становилась конкуренция вокруг распределения административных полномочий. Эта борьба выражалась, в частности, в дискуссии вокруг степени автономности правящей бюрократии по отношению к формально самодержавной монархии. В процессе централизации власти концентрация административных рычагов в руках узких групп приближенных к трону сановников вызывала острый антагонизм со стороны широких слоев служилого сословия, заинтересованных в более равномерном распределении должностей и соответствующих источников социальной и служебной ренты.

Поиск эффективного ответа на эти вызовы определял подход к управлению провинцией. Прежде всего, требовалась ее интеграция в единое политико-административное пространство, управляемое из монаршего дворца, централизация контроля над демографическими и хозяйственными ресурсами регионов. Идеологи нового правящего дома и служилого сословия, на интересы которого он опирался, исходили из того, что создаваемая централизованная бюрократическая машина не должна повторить судьбы государств Силла (668-935) и Корё (935-1392), чьи правящие династии прервались не в последнюю очередь в результате усиления местных элит. Требовалось исключить возникновение альтернативных двору субъектов политического влияния среди столичных фракций или провинциальных землевладельческих кланов, ограничив возможность концентрации в их руках региональных экономических ресурсов. При этом в соответствии с общегосударственной идеологической линией высший эшелон системы провинциального управления выстраивался со стратегической ориентацией на заимствование китайских образцов, которые требовалось адаптировать к национальной общественно-политической специфике.

Итогом стало формирование двусоставной системы, в которой, взаимно уравновешивая друг друга, были задействованы разнородные административные образования.

Роль верховного представительства вана в провинции на регулярной основе выполнял институт губернаторской власти. Он представлял собой вершину иерархии ординарного территориально-административного управления, формально закрепленной в законодательстве корейского

государства. Губернаторский аппарат дополнялся группой временно учреждаемых должностей, в диссертационном исследовании обозначенных обобщенным термином «уполномоченные». Речь идет о направлявшихся в провинции высокопоставленных эмиссарах, облеченных личным доверием корейских ванов.

Эти позиции достаточно долго, до конца XV в., не включались в законодательно оформленное штатное расписание. Изначально эмиссарская структура организовывалась для решения крупных государственных задач и временного контроля власти губернаторов в регионах. Постепенно развиваясь и усложняясь, она приобретала все больший удельный вес в системе государственного управления, превращалась в рычаг, позволявший монархам и их ближайшему окружению напрямую контролировать провинцию. С течением времени этот институт оформился как один из ключевых опорных элементов политической власти корейского государства и в 1491 г. получил законодательную кодификацию. В итоге в течение первого столетия правления новой династии сложилась система, в которой над провинциальными и уездными учреждениями был выстроен институт параллельного управления. Две ветви высшей региональной администрации, взаимодействуя и конкурируя, эволюционировали в устойчивый механизм перекрёстного контроля, отвечающий в условиях рассматриваемого периода интересам династии и высших слоев чиновничества.

Актуальность темы исследования определяется целесообразностью углубленного изучения институциональных механизмов системы провинциального управления Кореи в ранний период династии Чосон. Этот этап государственного строительства оказал принципиальное влияние на характер организации корейского общества на протяжении пяти последующих столетий. Его значение обусловлено ключевой ролью централизованной бюрократической системы в политической и социально-экономической жизни страны, а также долговременным воздействием сложившегося в итоге цивилизационного фундамента на дальнейшую эволюцию корейской административной практики, институциональной и политической культуры.

При наличии значительного корпуса исследований, посвященных идеологическим основаниям власти и структуре центральных правительственных институтов государства Чосон, анализ механизмов его провинциального аппарата представляет самостоятельный научный интерес. Разработка темы позволяет глубже понять образ жизни и характер деятельности служилого сословия, являвшегося одновременно главным коллективным бенефициаром и основным инструментом функционирования и воспроизводства сложившегося строя.

Актуальность исследования определяется также необходимостью уточнения сложившихся представлений о характере централизации государственного управления периода Чосон. Рассмотрение губернаторской

власти во взаимосвязи с институтом уполномоченных позволяет проследить, каким образом укрепление провинциальной администрации сочеталось с сохранением непосредственного контроля двора над регионами и ограничением самостоятельности его представителей на местах.

Актуальным остается и вопрос о характере восприятия Кореей китайской политической и административной традиции. Этот пример позволяет проследить не только использование китайских нормативных и институциональных образцов, но и их переработку и приспособление к конкретным условиям и задачам государственного строительства. Таким образом, исследование способствует уточнению представлений о соотношении заимствованных и национальных элементов в формировании государственной системы средневековой Кореи.

Степень научной разработанности темы. Тема диссертации до сих пор не становилось предметом отдельного изучения в отечественной науке. В целом проблематика истории правительственных институтов корейского государства в эпоху Чосон, несмотря на ключевое место, которое бюрократическая система занимала в «государственном феодализме» Кореи, привлекала гораздо меньше специального внимания отечественных историков, чем, например, вопросы экономической истории, эволюции аграрного строя (Ю.В. Ванин¹) или внутривластной борьбы (А.Н. Ланьков²). В ряде работ обзорного характера (Б.Г. Гафуров, Ю.В. Ванин, Г.Ф. Ким, М.Н. Пак, В.Д. Тихомиров, Ф.И. Шабшина³, С.О. Курбанов⁴) были сформулированы общие принципы функционирования, цели и задачи региональной администрации. Основное внимание в этих трудах уделялось институтам центрального правительства, а также военно-административной системе.

Наиболее близко к освещению вопросов провинциального управления подошел С.В. Волков в своих фундаментальных исследованиях по истории государственного аппарата и служилых слоев в Корее и на Дальнем Востоке⁵. Им, в частности, была отражена определявшаяся географическими и социальными особенностями специфика адаптации китайских административных моделей на корейской почве. С.В. Волков точно определил один из главных принципов регионального управления, изначально сформировавшийся в Китае и вместе с другими административными образцами адаптированный в Корее: рассредоточение

¹ Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV-XVI вв. М.: Наука, 1981; Ванин Ю.В. Экономическое развитие Кореи в XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1968.

² Ланьков. А.Н. Политическая борьба в Корее в XVI-XVIII вв. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995.

³ Гафуров Б.Г., Ванин Ю.В., Ким Г.Ф., Пак М.Н., Тихомиров В.Д., Шабшина Ф.И. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т.1. М.: Наука, ГРВЛ, 1974.

⁴ Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2009; Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002.

⁵ Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. — М.: ГРВЛ, 1987; Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. — М.: Наука, 1999.

власти в регионах между формально независимыми друг от друга чиновниками. Отдельно вопрос функционирования двух ветвей управления периода Чосон, их взаимодействия и особенностей С.В. Волков не рассматривает. В его исследованиях основное внимание уделяется периодам Трех государств (I в. до н.э. – VII в.), Объединенного Силла (668-935) и Корё.

С учетом той роли, которую заимствование китайского опыта играло при формировании правительственной структуры Кореи в доиндустриальную эпоху, весьма полезными для понимания корейской специфики оказались исследования государственных институтов имперского Китая, в особенности работы А.А. Бокщанина и В.М. Рыбакова⁶. В них также объясняются мотивы формирования системы провинциального управления, состоящей из нескольких ключевых институтов, взаимно контролирующих и ослабляющих друг друга: «Деятельность административной машины преднамеренно усложнялась и затруднялась с целью стягивания всех нитей управления к самой вершине пирамиды власти — императору и узкому кругу его ближайших сподвижников»⁷.

Что касается западных исследований по периоду Чосон, то в той или иной степени вопросы истории государственных институтов разрабатывались М. Дойхлер⁸, Д. Пале⁹, Д. Дунканом¹⁰, Т. Де Бари¹¹, Э. Вагнером¹². В целом в большинстве общих и специальных работ о государственном аппарате в части регионального управления говорится вскользь. Проблематика провинциального администрирования применительно к его месту в общей социально-политической структуре не изучается специально.

В Южной Корее свои труды институтам регионального управления государства Чосон, а также их конкретным представителям, посвятил целый ряд исследователей. Научная деятельность в этой сфере развивалась по трем основным направлениям.

Первое. Историография формирования и практического функционирования системы административно-территориального

⁶ См., например, *Бокщанин А.А.* Императорский Китай в начале XV века: Внутр. Политика / АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: ГРВЛ. 1976; *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов в китайской империи // *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.* — М., 1993; *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть I: Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

⁷ *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов в китайской империи // *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.* — М., 1993. С. 310.

⁸ *Deuchler Martina.* The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology. Cambridge, Massachusetts: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1992.

⁹ *Palais JB.* Confucian Statecraft and Korean Institutions: Yu Hyongwon and the Late Choson Dynasty. University of Washington Press, 2014; *Palais JB.* Views on Korean Social History. Seoul: Institute for Modern Korean Studies, Yonsei University, 1998.

¹⁰ *Duncan J.B.* The Origins of the Chosŏn Dynasty. Washington: University of Washington Press, 2014.

¹¹ *De Bary Wm. Theodore.* Introduction // *The Rise of Neo-Confucianism in Korea.* Columbia University Press, 1985. P. 1-58.

¹² *Wagner, Edward W.* The Ladder of Success in Yi Dynasty Korea // *Occasional Papers on Korea*, 1, April 1974; *Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W.* Korea Old and New: A History. Seoul: Korea Institute, 1990.

управления, официально кодифицированной в памятниках корейского права (вертикаль губернатор-уезды-сельские общины). Здесь следует отметить работы Чан Бёнина¹³, Ли Чжонхи¹⁴ и Ли Сугона¹⁵, подробно разобравших имеющийся в источниках богатый фактологический материал.

Второе. Изучение низового наследственного чиновничества *хянни*, его роли в регулировании повседневной жизни корейской деревни, взаимодействия с прослойкой ранжированной бюрократии (Ким Ёндок¹⁶, Пак Чину¹⁷, Ли Чжэрён¹⁸). Этот комплекс вопросов вызывал исследовательский интерес в основном в связи с развитием историографии прогрессивно-марксистской направленности. Реагируя на интеллектуальный запрос на поиск признаков влияния более широких социальных слоев на исторический процесс, южнокорейские ученые этого направления в гораздо большей степени интересовались возникающими противоречиями между центральными и местными элитами, попытками столицы добиться ослабления последних и установить более прочную властную вертикаль.

К третьему блоку исследований можно отнести работы по традиционно популярной у массового читателя истории военно-административной системы. Монографии и статьи Мин Хёнгу¹⁹, Чан Бёнина²⁰, О Чжоннока²¹ интересны в контексте настоящей диссертации постольку, поскольку в них раскрыты особенности гибридной административной системы, сложившейся в эпоху Чосон и наиболее активно применявшейся в северных приграничных районах страны. Здесь традиционно за военно-гражданское управление отвечали военные чиновники с генерал-губернаторскими полномочиями. Этот опыт, также имеющий параллели в китайской практике, в дальнейшем был активным образом задействован для формирования компетенций уполномоченных, направлявшихся уже не в приграничье, а по всей стране.

¹³ 장병인. 조선초기의 관찰사 [Чан Бёнин. Институт губернаторской власти в раннем Чосон] // 한국사론, № 4, 1978.

¹⁴ 이준희. 조선시대지방행정제도연구 [Ли Чжонхи. Система провинциальной администрации в период Чосон]. 서울: 일지사, 1990. Также см. 이준희. 조선 전기의 관찰사제 [Ли Чжонхи. Система губернаторской власти в раннем Чосоне] // 서울시립대학논문집, № 18, 1985.

¹⁵ 李樹建. 朝鮮時代 地方行政史 [Ли Сугон. История региональной администрации периода Чосон]. 서울: 민음사, 1989.

¹⁶ 金龍德. 鄉廳研究 [Ким Ёндок. Исследование сельской администрации]. 서울: 한국연구원, 1978.

¹⁷ 朴鎭愚. 朝鮮初期의 面里制와 村落支配의 強化 [Пак Чину. Система мён-ли и укрепление власти на селе в ранний период Чосон] // 한국사론, № 20, 1988.

¹⁸ 李財襲. 朝鮮初期의 土官에 대하여 [Ли Чжэрён. О туземных чиновниках в раннем Чосон] // 震檀學報, № 29, 1966.

¹⁹ 민현구. 조선초기의 군사제도와 정치 [Мин Хёнгу. Военная система и политика раннего периода государства Чосон]. 서울: 한국연구원, 1983.

²⁰ 장병인. 조선초기의 병마절도사 [Чан Бёнин. Институт командующих армиями в раннем Чосон] // 한국학보, № 34, 1984.

²¹ 오종록. 조선초기 병마절도사의 성립과 운용 [О Чжоннок. Становление и функционирование института командующих армиями в раннем Чосон] // 진단학보, 59, 1985.

Хотя в большинстве соответствующих публикаций упоминаются иррегулярные должности, составившие институт уполномоченных чиновников и механизмы параллельного провинциального управления, до рубежа XX–XXI вв. южнокорейские исследователи также не подвергали эту структуру специальному анализу. Как представляется, важным фактором, определившим такой недостаток внимания, было то, что эти должности практически не отражены в базовом для исследователей истории государства Чосон правовом источнике – «Великом уложении по управлению государством» (кор. *Кёнзук тэчжон*, кит. 經國大典). В условиях переработки значительных массивов сведений по государственному строительству, содержащихся в этом кодексе, на этапе становления современной южнокорейской историографии указанный вопрос мог ускользать от внимания историков при подготовке обзорных и специализированных работ.

Началом целенаправленной разработки в Республике Корея темы института уполномоченных чиновников, по-видимому, следует считать исследования публиковавшегося преимущественно в 1990-е годы Им Сонбина. В работе «К вопросу о посланниках в провинции в ранний период Чосон»²² этот автор перешел к предметному рассмотрению комплекса должностей чиновников высокого ранга, направлявшихся из центра на места и зачастую дублировавших функции губернаторов. В 1999 г. было опубликовано исследование, специально касавшееся одной из таких должностей – поста Уполномоченного наместника (кор. *чхечхальса*, кит. 體察使): в работе Ли Санхуна²³ собраны систематизированные данные о становлении этой должности, содержатся перечисление и сравнительная характеристика связанных со службой на этой позиции прав и обязанностей чиновников. Разработку темы продолжила южнокорейская исследовательница Ким Суннам²⁴. Она систематизировала обширный массив данных, содержащихся в летописных источниках, сделала ряд важных выводов, отражающих особенности функционирования уполномоченных чиновников, назначавшихся на временные управленческие должности высокого ранга.

Важным направлением при подготовке диссертации был анализ законодательного регулирования высшего эшелона региональной власти и перевод соответствующих положений «Великого уложения по управлению государством» – наиболее раннего из дошедших до нашего времени корейского свода законов. Здесь весьма ценными оказались результаты исследования историка из КНДР Юн Гугиля. Он провел анализ летописных

²² 임성빈. 조선 초기 외방사신에 대한 시론 [Им Сонбин. К вопросу о посланниках в провинции в ранний период Чосон] // 조선시대사학보, № 5, 1998.

²³ 이상훈. 조선초기 도체찰사에 대한 소고 [Ли Санхун. К вопросу о должности старшего военного наместника в раннем Чосон] // 군사, 38, 1999.

²⁴ 김순남. 조선초기 체찰사연구 [Ким Суннам. Чхечхальса в ранний период Чосон]. 서울: 경인문화사. 2007.

упоминаний о законотворческом процессе в ранний период Чосон и путем сопоставления накопленных сведений с дошедшим до нас текстом кодекса разработал гипотезу о содержании не сохранившихся юридических положений²⁵. В Южной Корее вопросы истории средневекового законодательства были достаточно полно проработаны Юн Хонпхё, Лим Ёнханом, Ким Инхо²⁶ и Ян Хевон²⁷, которые также посвятили значительную часть своей деятельности восстановлению первых законодательных сводов государства Чосон по содержащимся в хрониках выдержкам. Большая работа по анализу «Великого уложения» была проделана коллективом авторов южнокорейского Института изучения духовной культуры²⁸.

В своем исследовании памятников средневекового корейского права автор также опирался на достижения отечественных синологов С.Р. Кучеры²⁹, В.М. Рыбакова, Н.П. Свистуновой³⁰, в разные годы подготовивших комментированные переводы и исчерпывающие исследования кодексов династий Чжоу, Тан и Мин, которыми руководствовались в законотворческой работе авторы эпохи Чосон.

Объектом исследования является история государственного устройства и институтов власти династии Чосон.

Предметом исследования является функционирование и взаимодействие институтов губернаторской власти и уполномоченных чиновников как ключевых элементов системы провинциального администрирования государства Чосон.

Целью исследования является формирование целостного представления об одном из ключевых элементов государственного устройства и управления социально-экономической жизнью Кореи периода Чосон – системе провинциального управления.

В интересах реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Изучение исторических источников для реконструкции данных, отражающих деятельность и компетенции институтов регионального управления, взгляды современников на их полномочия и необходимые для гармоничного правления ограничения.

²⁵ 윤국일. 경제육전과 경국대전 [Юн Гугиль. Шесть уложений по управлению государством и Великое уложение по управлению государством]. 서울: 신서원, 1998.

²⁶ 윤훈표, 임용한, 김인호. 경제육전과 육전 체제의 건립 [Юн Хунпхё, Лим Ёнхан, Ким Инхо. Шесть уложений по управлению государством и становление системы шести уложений]. 서울: 혜안, 2007.

²⁷ 양혜원. 經國大典 판본연구 [Ян Хевон. Великое уложение по управлению государством: исследование изданий] // 규장각, № 53. 서울, 2018.

²⁸ 譯註經國大典 [Великое уложение по управлению государством. Комментированный перевод]. 서울: 정신문화연구원. 1985—1986. В 4 томах.

²⁹ Установления династии Чжоу (Чжоу ли) / Перев. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. С. Кучеры. — М.: Вост. Лит., 2010.

³⁰ Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Ч. I-IV. Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. - М.: Вост. Лит., 1997–2019.

2. Анализ исторических условий формирования системы провинциального управления государства Чосон и характеристика основных этапов кодификации соответствующего законодательства.

3. Исследование нормативной базы, регламентировавшей деятельность региональных властей, и ее критическое сопоставление с данными других письменных источников, отражающими практику ее применения.

4. Характеристика правового статуса, полномочий и роли губернаторов и уполномоченных чиновников в управленческой системе Кореи по состоянию на время завершения формирования основных контуров государственного устройства государства Чосон (публикация базовых законодательных сводов в конце XV в.).

5. Анализ взаимодействия институтов провинциального управления с монархом и органами центральной власти, местными административными учреждениями и органами самоуправления.

6. Иллюстрация функционирования и противоречий двусоставной провинциальной административной системы на примере политического портрета одного из ключевых исторических деятелей рассматриваемого периода – Хан Мёнхве (1415–1487).

7. Систематизация перевода имеющей отношение к исследованию административной терминологии.

Научная новизна диссертации определяется следующим:

1) Впервые в отечественной науке предложена концепция двухкомпонентной системы провинциального управления государства Чосон, сочетающей губернаторскую администрацию с институтом уполномоченных чиновников и обеспечивавшую перекрестный контроль столицы над регионами.

2) Проведено сравнительное исследование правового статуса, полномочий и функций обеих ветвей провинциальной администрации. Определены идейно-философские и социально-политические основы ее амбивалентной структуры, дана характеристика ее влияния на качество централизованной системы управления народным хозяйством.

3) Прослежена эволюция институтов регионального контроля от позднего периода Корё до окончания формирования государственного аппарата Чосон и адаптация китайских моделей к специфике интересов и внутренних противоречий корейской элиты.

4) Источниковедческий аспект исследования: вводится в научный оборот перевод выдержек из свода законов государства Чосон – «Великого уложения по управлению государством», составившего основу корейской нормативно-правовой системы вплоть до открытия страны в XIX в. Впервые в отечественной науке проведен комплексный источниковедческий и текстологический анализ памятника, включая характеристику истории его составления, публикаций и переводов.

Положения, выносимые на защиту:

1) Система провинциального управления государства Чосон в конце XIV-XV вв. развивалась как централизованный бюрократический механизм, направленный на обеспечение максимального контроля центра в отношении демографических и экономических ресурсов страны.

2) За основу при ее формировании была взята китайская модель территориального устройства, внедряемая в рамках неоконфуцианской реформы государственного управления.

3) Адаптация принятых в качестве идеальных моделей конфуцианского (Чжоу-Тан) и неоконфуцианского (Мин) механизмов не могла решить всех задач, стоявших перед корейскими правящим сословием и монархией в сфере регионального управления, в силу национальной специфики внутриэлитных взаимоотношений и влияния провинциальных сил.

4) Для предотвращения коллаборации губернаторов и представляемых ими столичных кланов с местными элитами их полномочия и сроки службы были строго ограничены. Также вне рамок официальной кодификации в административной практике вводился дополнительный институт уполномоченных чиновников как прямых представителей монарха.

5) Практика командирования уполномоченных, адаптированная также на основе китайских образцов, была унаследована от государства Корё и развита правящей элитой Чосон. К концу XV в. она превратилась в самостоятельный надзорно-управленческий механизм с аппаратно-политическими возможностями, не уступающими губернаторским.

6) Итогом стало формирование в государстве Чосон двухкомпонентной системы провинциального администрирования, обеспечивавшей перекрестный контроль столицы в регионах и эволюционировавшей в сторону прямого временного управления через доверенных лиц на провинциальном и метапровинциальном уровне.

Источниковую базу исследования составили несколько групп письменных памятников.

Первую группу образуют законодательные памятники государства Чосон, прежде всего «Великое уложение по управлению государством», а также «Дополненные записи к великому уложению» (кор. *Тэчжон соннок*, кит. 大典續錄), опубликованные в 1491 г. и впервые закрепившие положение командируемых из центра в провинции уполномоченных в иерархии ранжированного чиновничества.

Вторую группу составляют летописные источники — «История Корё» (кор. *Корёса*, кит. 高麗史) и «Истинные записи династии Чосон» (кор. *Чосон ванчжосиллок*, кит. 朝鮮王朝實錄). Они содержат значительный массив распоряжений двора, отчетов и донесений, сведений о составе губернаторского и эмиссарского корпусов, ходе и результатах их деятельности.

Третья группа представлена *сочинениями государственных деятелей средневековой Кореи*, прежде всего «Собранием сочинений Самбона» (кор. *Самбончип*, кит. 三峰集) Чон Дочжона (1342–1398) и «Военным дневником» (кор. *Нанчжун ильги*, кит. 亂中日記) Ли Сунсина (1545–1598). Эти источники использованы как дополнительный материал для характеристики взглядов на устройство, функционирование, степень эффективности государственных институтов.

Четвертую группу составляют *памятники конфуцианской классики и китайского законодательства*, прежде всего эпох Чжоу, Тан и Мин. Их привлечение обусловлено значением китайской политической и административной традиции для государственного строительства Чосон и позволяет проследить характер заимствования и адаптации соответствующих идей и административных норм.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XIV–XV вв. — период становления системы регионального управления в государстве Чосон. Исследование открывается анализом дискуссии о путях государственного строительства, отражавшей противоречия между придворными группировками, ориентировавшимися на различные школы политической мысли. Итогом этой полемики, подчас перераставшей в силовое противостояние, было закрепление ключевых положений, в том числе в части полномочий и обязанностей губернаторов, в первом государственном своде законов – «Шести уложениях по управлению» (не сохранился, кор. *Кёнчже юкчон*, кит. 經濟六典), опубликованном в 1398 г.

Одновременно с первых лет правления новой династии шло развитие системы эмиссарских должностей, не отражавшееся в официальном законодательстве. В работе прослеживается развитие институтов губернаторской власти и уполномоченных вплоть до рассвета деятельности последних во второй половине XV в. Итогом этого периода стала кодификация двойственной системы провинциального администрирования в реформированном законодательстве государства Чосон – «Дополненных записях к великому уложению», опубликованных в 1491 г.

Характеристика институтов региональной власти государства Чосон была бы неполной без конкретизации их исторических истоков. Поэтому основному блоку исследования предпослан обзор развития системы провинциального администрирования в государстве Корё в X–XIV вв. Такое расширение базовых хронологических рамок диссертации определяются необходимостью последовательного раскрытия эволюции и вариативности рассматриваемой управленческой модели.

Методологическую основу исследования составили принцип историзма и комплексный подход, сочетающий ряд самостоятельных методов научного анализа, в том числе традиционные инструменты источниковедения. В соответствии с принципом историзма институты провинциального управления государства Чосон рассматриваются в

конкретно-исторических условиях их формирования и функционирования. При анализе учитываются общественно-политические и социально-экономические предпосылки развития бюрократической системы, а также интересы и противоречия внутри служилого сословия, составлявшего ее социальную и кадровую основу.

Комплексный подход позволяет рассматривать институты провинциального управления во взаимосвязи с развитием государственной системы в целом, учитывая отношения между монархией, высшей бюрократией и региональной администрацией, а также влияние внешнеполитических и культурно-идеологических связей Кореи с Китаем. Основное внимание сосредоточено на институциональной организации управления и распределении властных полномочий.

Методы. При подготовке диссертации использовался набор научных методов, определявшийся спецификой исследования, его хронологическими рамками, поставленными задачами и особенностями использовавшихся источников.

Системно-структурный метод позволил выявить место институтов регионального управления в государственной системе, их связи с самодержавной монархией, высшей бюрократией, центральным аппаратом и низовым администрированием. Он позволил проследить взаимосвязь развития губернаторской власти и института уполномоченных чиновников, а также влияние на этот процесс внешнеполитических и культурно-идеологических связей Кореи с Китаем.

Количественный метод и *метод контент-анализа* задействованы для обработки данных письменных источников и выявления основных характеристик губернаторского корпуса и института уполномоченных чиновников. Обилие летописных сведений потребовало систематизации собранного материала и определения суммарных, объективно свойственных структуре регионального управления параметров. В этих целях использовались численно-арифметическая классификация по ключевым признакам тождественного характера (в т.ч. должностям и служебным рангам, периодам и регионам назначений, группам выполнявшихся задач). Проанализирована деятельность 120 чиновников 6 старших рангов, совершивших, судя по упоминаниям в исторических источниках, 256 командировок на протяжении 8 царствований. На основе полученных характеристик удалось обеспечить содержательную систематизацию и периодизацию развития исследуемых институтов. Результаты анализа представлены как в тексте работы в синтезированном и обобщенном виде, так и в приложении в виде удобных для возможного самостоятельного анализа таблиц и графиков.

Социально-психологический и *биографический методы* использованы для анализа политических портретов ключевых фигур. Это позволило конкретизировать выводы, полученные с помощью системно-структурного

и количественного подходов с учетом их личностных характеристик, политических убеждений и карьерной динамики.

Формально-юридический метод был задействован для изучения правового статуса исследуемой системы должностей. Особое значение для диссертации имело соотнесение летописных данных о деятельности уполномоченных чиновников с законодательно закрепленными полномочиями губернаторов. Сопоставление законодательных норм с данными письменных источников позволило выявить области расхождения кодифицированного права и реального распределения служебных обязанностей, свидетельствующих о востребованности административных шагов, не соответствовавших изначально установленной норме писаного закона.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении и дополнении представлений о системе государственного устройства и правящем слое государства Чосон. В работе предложена концепция двусоставной системы провинциального управления, включавшей институты губернаторской власти и уполномоченных чиновников. Отслежена динамика развития обоих институтов и их роль в процессе централизации государственного управления, показано сочетание укрепления губернаторской власти с сохранением за монархией возможностей прямого контроля. Исследование позволило уточнить особенности заимствования китайских идеологических и административных моделей и их адаптации к национальным социально-политическим условиям, целям и задачам корейского правящего сословия.

Детальный анализ кадровой политики корейского двора XIV–XV вв. в отношении института уполномоченных обеспечивает инструментарий для изучения истории соответствующего периода в таких областях, как государственное управление, внутривластная борьба, развитие народного хозяйства. Сопоставление различных групп источников позволило выявить значение расхождений между законодательным оформлением административной системы и ее реальным функционированием для характеристики внутривластных противоречий рассматриваемого периода.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при подготовке материалов по истории государственного управления Кореи и в качестве научно-методического пособия при составлении учебных программ, спецкурсов, семинаров по истории периодов Корё и Чосон. Исследование может быть использовано в качестве источника информации, в т.ч. методологического, источниковедческого, терминологического характера, при подготовке справочных и обзорных материалов по истории, историографии, библиографии Кореи и стран Дальнего Востока.

Результаты проделанной в диссертации работы по переводу и систематизации административной терминологии могут использоваться при подготовке справочных и обзорных материалов по истории Кореи, а также в дальнейших исследованиях ее государственных институтов, что позволяет повысить точность и контекстную адекватность передачи специфики эпохи на русском языке. Это будет полезно также для специалистов и популяризаторов, работающих над переводом исторических материалов, литературных или кинематографических работ, адресованных широкой аудитории.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением значительного массива законодательных, летописных и иных письменных источников, их текстологическим и критическим анализом. Обоснованность выводов обеспечивается также количественной обработкой и систематизацией сведений о деятельности губернаторов и уполномоченных чиновников.

Основные положения диссертационной работы прошли **апробацию** и ранее были опубликованы в четырех статьях, три из которых размещены в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки РФ, и коллективной монографии «Источниковедение и историография Кореи: современные исследования». Некоторые результаты исследования, касающиеся роли первых законодательных сводов государства Чосон в развитии корейской институциональной культуры, были апробированы в ходе докладов на состоявшихся в 2026 г. IV научно-практической конференции в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова «Источниковедение и историография древней и средневековой Кореи»³¹ и XXX Научной конференции корееведов России и стран СНГ «Современные проблемы Корейского полуострова» в Институте Китая и современной Азии РАН³².

Отдельные положения, вошедшие в диссертационное исследование, были сформулированы при подготовке перевода, комментариев и вступительной статьи к публикации дневниковых записей корейского флотоводца Ли Сунсина - «Военный дневник» (2013 г. издания). Так прошли апробацию элементы работы, касающиеся научно-обоснованного перевода упоминаемой в памятнике терминологии, характеристики особенностей взаимодействия представителей различных ветвей военного командования и высшей гражданской бюрократии Кореи периода Чосон.

Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании Международного учебно-научного центра корееведческих исследований Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

³¹ Тема: «Регулирование внешней торговли в государстве Чосон XV в. по материалам *Кёнзук тэчжон*».

³² Тема: «К вопросу об исторических основах южнокорейской деловой культуры».

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из четырех глав, введения, заключения, библиографии и приложений. Во **Введении** обоснована актуальность выбранной темы диссертации, определены объект и предмет исследования, сформулированы его цели и основные задачи. Раскрыты научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость ее результатов и установлены хронологические рамки исследования. Выделена методологическая основа диссертации и сформулированы ключевые положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Степень изученности темы и вопрос определения подхода к исследованию» представляет собой теоретический раздел диссертации. После рассмотрения имеющихся по теме научных результатов были выявлены элементы, недостающие, по мнению автора, для более полного понимания предмета исследования. Предложена методика сравнительного анализа источников юридического и хроникального характера, которая позволяет, в соответствии с принципом историзма, сопоставить представления людей той эпохи о том, «как должно» и летописную фиксацию ими же того, «как было». С учетом значительного объема фактического материала автор в главе I уделил отдельное внимание подходу к переводу исторических терминов на русский язык.

В параграфе 1.1 «Историография вопроса» представлен обзор отечественных и зарубежных исследований, который позволил определить основные направления изучения административной системы раннего Чосона и степень разработанности вопросов, связанных с губернаторской властью и деятельностью уполномоченных чиновников. Показано, что при значительном внимании исследователей к государственному устройству Кореи в рассматриваемый период взаимодействие этих двух институтов как связанных элементов высшего эшелона провинциального управления специально не рассматривалось. Установлено, что институт уполномоченных чиновников остается изученным значительно слабее губернаторской администрации.

В параграфе 1.2 «К характеристике основных исторических источников» дана характеристика источниковой базы исследования. Особое внимание уделено «Великому уложению по управлению государством». Рассмотрены история составления кодекса и последовательность его редакций вплоть до окончательной публикации 1484 г. Особое значение имеет рассмотрение законодательного материала совместно с данными «Истинных записей династии Чосон». Если полномочия губернаторской власти получили подробное нормативное закрепление в «Великом уложении», деятельность направлявшихся из центра уполномоченных в основном отражена в летописях. Сопоставление содержащихся в хрониках сведений об их деятельности и выдававшихся им предписаний с закрепленными в законодательстве полномочиями

губернаторов позволяет выявить расхождения между нормативным устройством провинциального управления и фактическим функционированием его институтов. При этом проведенный текстологический и источниковедческий анализ позволил подтвердить вывод об использовании доступного нам текста «Великого уложения» как реально действовавшей нормативной основы управления.

В параграфе 1.3 «Принципы перевода источников и ключевая терминология» особое внимание уделено понятиям, обозначающим государственные учреждения, должности, служебные ранги и полномочия чиновников. Принималось во внимание значение термина в историческом контексте, его место в административной системе и особенности употребления в источниках. Проведена систематизация использованной в исследовании терминологии и выработан последовательный подход к передаче соответствующего понятийного аппарата на русском языке. При выборе русских эквивалентов учитывались четыре основных фактора: практическое содержание термина, устанавливаемое в том числе по нарративным источникам; его словарное значение; наличие устоявшегося эквивалента в отечественном востоковедении; соответствие предлагаемого варианта российской историографической и стилистической традиции. При невозможности совместить все эти требования преимущество отдавалось практическому содержанию и словарному значению. Вместе с тем, автор стремился к единообразной передаче терминологии, опираясь на результаты, достигнутые в отечественных корееведении и синологии.

Во второй главе «Становление системы регионального управления в государстве Чосон» после краткой характеристики развития системы в период Корё отражена трансформация подходов правящих кругов государства Чосон в отношении провинциального управления и их кодификации. Установлено, что, если в X–XIV вв. господство центра в регионах держалось на временных командировках чиновников из столицы, то к моменту становления новой династии накопление задач централизации управления обусловило эволюцию эмиссарских должностей в институт регулярной губернаторской власти. Подробное рассмотрение законодательного закрепления этого института иллюстрирует осознание значения писаного законодательства, сформировавшееся в корейской элите на рассматриваемом этапе. Это позволяет с известной долей уверенности заключить, что внесенным в соответствующие кодексы положениям, касающимся провинциальной администрации, придавалось не только ритуально-идеологическое, но и практическое значение.

В параграфе 2.1 «Особенности развития регионального управления ко времени образования государства Чосон (государство Корё в XI–XIV вв.)» показан неравномерный исторический переход от сложившегося после распада Силла удельного уклада к централизованной бюрократической системе. Центральная власть не располагала

достаточными финансовыми и силовыми возможностями для непосредственного управления всей территорией и была вынуждена опираться на местные влиятельные кланы, представители которых включались в административную систему в качестве наследственных местных чиновников — хянни. Параллельно развивались две формы представительства столицы в регионах: назначение чиновников для постоянного руководства важнейшими территориальными единицами и направление временных эмиссаров. Полномочия и должностные наименования последних изменялись в зависимости от характера поставленных задач. К концу периода Корё усложнение хозяйственной жизни, обострение внутренних противоречий и внешнеполитических угроз усиливали потребность в централизации власти. Институт временных уполномоченных стал одним из основных средств обеспечения управляемости провинций, однако контрольно-ревизионный характер их деятельности уже не отвечал в полной мере новым задачам. Обозначилась тенденция к повышению статуса представителей центральной власти и переходу к более устойчивой системе местной администрации, дальнейшее развитие которой произошло после основания государства Чосон.

В параграфе 2.2 «Дискуссия о системе регионального управления в государственном строительстве Чосон» рассматривается политическая полемика, развернувшаяся в период смены династий и первых лет существования государства Чосон. Решались задачи преодоления региональной и клановой автономии и включения местной хозяйственной жизни в единую государственную систему. Установлено, что обсуждение провинциального управления было частью более широкой политической дискуссии о соотношении полномочий монарха и высшей бюрократии. Группировка Чо Чжуна (1346-1405) выступала за создание сильной губернаторской власти, которой непосредственно подчинялись бы уездные начальники. Предлагалось повысить статус губернатора до министерского уровня и одновременно отказаться от практики направления временных уполномоченных, что должно было способствовать укреплению новой должности. Группировка Чон Дочжона (1342-1398), также исходя из необходимости преодоления зависимости местной администрации от влиятельных региональных кланов, связывала деятельность губернаторов с усилением роли высшей бюрократии в государственном управлении. Назначение губернаторов, по их представлению, должно было осуществляться при участии Государственного совета, руководство которого сохраняло бы непосредственное влияние на работу глав регионов. В отличие от Чо Чжуна, Чон Дочжон не выступал против направления в провинции уполномоченных. Устранение группировки Чон Дочжона и победа сторонников прямого подчинения бюрократии монарху оказали непосредственное влияние на дальнейшее оформление системы провинциального управления.

В параграфе 2.3 «Формирование законодательных основ провинциального управления» отслеживается процесс кодификации региональной административной системы. Показано, что она шла постепенно и была связана как с задачами укрепления центральной власти, так и с политической борьбой внутри правящего слоя. Заимствованные преимущественно из китайской традиции административные модели при этом приспособлялись к конкретным корейским социально-политическим условиям.

В третьей главе «Институт губернаторской власти в системе управления государства Чосон» в сопоставлении с данными летописей подробно рассмотрен правовой статус глав провинций. Формирование регулярных губернаторских администраций было призвано обеспечить качественно более высокий уровень местного управления. Одновременно власть глав провинций была ограничена законом, что играло роль предохранителя, исключая рост региональных сил в ущерб выстроенной из столицы вертикали подчинения. Такой подход обеспечивал институционализацию частичной автономии местных администраций, ограждая их в известных пределах от личного волюнтаризма губернатора. Укрепляя лояльность бюрократии трону, система ограничивала возможности глав провинций по налогообложению и перераспределению материальных ресурсов, сужая их персональный аппаратный вес.

В параграфе 3.1 «Основные принципы функционирования губернаторской власти» показано, как укрепление положения губернатора сочеталось с ограничением его самостоятельности в интересах столицы. Губернатор являлся высшим должностным лицом провинции и обладал достаточными полномочиями для руководства подчиненной администрацией, однако возможности формирования вокруг него самостоятельного центра влияния последовательно ограничивались.

За двором сохранялись ключевые кадровые и распорядительные прерогативы. Губернаторам были переданы функции аттестации уездных чиновников, однако их назначение оставалось в ведении центральной власти. Установленный порядок документооборота сохранял за двором механизм непосредственного обращения к любой местной администрации и получения от нее прямого доклада.

В результате сформировалась ступенчатая система провинциального управления, в которой губернатор занимал промежуточное положение между центральной властью и уездной администрацией. Такое сочетание усиления губернаторской власти с сохранением возможностей непосредственного контроля со стороны центра стало одним из основных принципов организации провинциального управления государства Чосон.

В параграфе 3.2 «Комплектование и служебный статус губернаторского корпуса» рассматривается особый порядок выдвижения соответствующих кандидатур, ограничивавший возможность

сосредоточения влияния на назначение губернаторов в руках одного ведомства или любой из группировок высшей бюрократии. Право рекомендации было распределено между несколькими высшими учреждениями столичного аппарата, окончательный выбор оставался за монархом. Особое значение имела установленная законом постоянная ротация глав провинций. В отличие от уездных начальников, срок службы которых составлял 1800 дней, губернатор назначался, как правило, на один год. Анализ летописных данных показывает, что несмотря на выдвигавшиеся предложения увеличить продолжительность губернаторских полномочий этот порядок в основном соблюдался.

Положение губернатора как верховного представителя власти в провинции подчеркивалось также системой государственных и ритуальных атрибутов: порядком его проводов и встречи, использованием государственной печати, особенностями церемониального облачения и преимущественным обеспечением средствами передвижения. Таким образом, высокий ранг и престиж губернаторской должности сочетались с кадровыми и служебными ограничениями.

В параграфе 3.3 «Надзор и аттестация провинциальных чиновников» рассматриваются полномочия губернаторов в кадровой сфере. Отмечено, что именно аттестация являлась основным инструментом воздействия губернатора на подчиненную администрацию. При отсутствии права самостоятельно назначать уездных начальников глава провинции регулярно оценивал результаты их службы, от чего непосредственно зависело дальнейшее продвижение чиновника. Законодательством была установлена формализованная система аттестации, проводившейся для большинства провинциальных должностей дважды в год. Критерии оценки охватывали основные направления деятельности местной администрации: состояние земледелия и демографию, образование, военную подготовку, распределение податей и повинностей, отправление правосудия и борьбу со злоупотреблениями. Сопоставление положений «Великого уложения» с летописными данными подтверждает: порядку проведения аттестаций и обоснованности выставляемых оценок уделялось постоянное внимание центральной власти.

К надзорным обязанностям губернаторов относился также контроль за конфуцианским образованием, проведением провинциальных этапов государственных экзаменов и исполнением сакральных ритуалов. Губернатор выступал не только административным руководителем, но и проводником установленных принципов организации и воспроизводства служилого сословия в провинции.

Рассмотрение надзорных полномочий позволяет одновременно уточнить место губернатора в административной иерархии. Его контроль распространялся на широкий круг служебной деятельности

провинциальных чиновников, однако и здесь не носил неограниченного характера.

В параграфе 3.4 «Управление региональной экономикой» рассматриваются функции губернаторов по контролю за широким кругом хозяйственных вопросов: земледелием и использованием пахотных земель, налогообложением, промыслами, учетом населения, государственными запасами продовольствия, ирригацией, строительными работами, транспортом и соблюдением единой системы мер и весов. Особое место занимало обеспечение продовольственной безопасности. Губернаторы контролировали оценку урожайности земель и состояние посевов, направляли соответствующие сведения в столицу, отвечали за сбор, хранение и распределение государственных запасов, ликвидацию последствий неурожая и иных чрезвычайных обстоятельств. Летописные данные подтверждают практическое значение этих обязанностей и свидетельствуют об ответственности глав провинций как за обеспечение поступлений в казну, так и за предотвращение голода и сохранение социальной стабильности.

Анализ «Великого уложения» показывает, что непосредственное ведение хозяйственных дел преимущественно оставалось обязанностью уездной администрации. Губернаторы контролировали ее деятельность, заверяли и обобщали поступающие с мест сведения, оценивали результаты и докладывали в центр. Самостоятельные кадровые полномочия в хозяйственной сфере предоставлялись им лишь в редких случаях.

В параграфе 3.5 «Военно-полицейские функции» отмечено, что организация провинций сочетала гражданское и военное управление: губернатор по совместительству возглавлял одну из сухопутных армий провинции и формально одну из военно-морских флотилий (при наличии), участвовал в организации мобилизации и военной подготовки, контролировал учет военнообязанных. Оперативное руководство основной частью войск осуществлялось профессиональными военными чиновниками. Сбор и передвижение вооруженных сил производились по прямому распоряжению центральной власти.

В правоохранительной сфере полномочия губернаторов также имели преимущественно надзорный характер. Они контролировали проведение следственных действий, содержание заключенных, исполнение наказаний и положение отдельных категорий зависимого населения. Право назначения взысканий в отношении уездных начальников сохранялось за центральной властью. Особого решения монарха требовали применение пытки к представителям правящего сословия и рассмотрение дел, связанных с наиболее тяжкими наказаниями. Тем самым законодательство ограничивало возможности губернаторов по непосредственному применению принуждения в отношении подчиненного чиновничества.

Таким образом, предоставление губернаторам расширенных по сравнению с прежними династиями полномочий сочеталось с сохранением существенных ограничений их самостоятельности. Основными средствами воздействия губернатора на нижестоящих чиновников являлись служебная аттестация и доклад центральной власти, тогда как важнейшие кадровые и судебные решения оставались в ведении столицы. Такая система ставила уездные администрации под стабильный контроль и одновременно препятствовала чрезмерному усилению самих глав провинций.

В четвертой главе **«Роль института уполномоченных в системе провинциального управления государства Чосон»** на основе исследования данных летописей, проведенного с использованием приемов количественного анализа, дается обзор развития института контроля, осуществлявшегося высокопоставленными посланниками двора. Установлено, что этот механизм последовательно расширялся параллельно с функционированием уже устоявшейся и законодательно закреплённой губернаторской власти. Материал источников демонстрирует формирование полноценного для своего времени, целенаправленно обустроенного с расчетом на долгосрочные цели института, который стал неотъемлемой частью бюрократической машины средневековой Кореи.

В параграфе 4.1 **«Концептуальное место института уполномоченных в стратегии регионального управления»** показано, что после введения регулярной губернаторской администрации центральная власть продолжала использовать восходившую к периоду Корё практику направления в регионы временных представителей. Это почти не получило отражения в «Великом уложении» (исключение – протокольные нормы приветствия), тогда как летописи свидетельствуют об активной работе уполномоченных с первых лет правления новой династии. Сравнительное изучение источников позволяет сделать вывод, что сохранение и расширение такой деятельности носило характер постепенной адаптации изначально установленного порядка к практическим нуждам управления.

Это было обусловлено прежде всего двумя обстоятельствами. С одной стороны, центральная власть стремилась обеспечить дополнительный контроль над губернаторами и ограничить возможности их сближения с региональными элитами. Опасения усиливались существованием внутри правящего слоя устойчивых групп взаимной поддержки, связанных родственными, служебными и имущественными отношениями, а также сохранявшимся влиянием наследственного местного чиновничества.

С другой стороны, сама система ограничения полномочий губернаторов могла затруднять оперативное решение крупных или чрезвычайных задач. Направление доверенных сановников позволяло двору временно сосредоточивать расширенные административные и военные полномочия для организации обороны, подавления мятежей, строительства

укреплений и ирригационных сооружений, проведения переписей, ликвидации последствий стихийных бедствий и т.п.

Существенное значение имела возможность получения непосредственно от доверенного представителя сведений о положении в провинции, не зависевших от местной административной иерархии. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что командировка в качестве уполномоченного предоставляла широкие возможности для личного обогащения самих назначенцев и кланов, с которыми они были связаны.

В результате институт уполномоченных постепенно выходит за пределы традиционной практики направления временных ревизоров. Ранг наиболее значимых из них стал соответствовать губернаторскому, а круг поручавшихся им задач все чаще совпадал с функциями глав провинций. Наряду с регулярной губернаторской администрацией складывался второй канал прямого воздействия центральной власти на положение в регионах.

В параграфе 4.2 «Развитие института уполномоченных в 1397-1494 гг.» раскрывается постепенное расширение частоты направления эмиссаров в провинции и круга поручавшихся им задач. Это происходило несмотря на осознание в руководстве страной того, что практика является отступлением от принятой концепции управления. Так, например, ван Сечжон (1418-1450) в начале царствования пытался отказаться от ее использования и задействовать только губернаторов, однако позднее вернулся к командированию уполномоченных, которые контролировали строительство укреплений и состояние обороны, деятельность местных чиновников, снабжение населения, хозяйственное освоение территорий и ликвидацию последствий неурожая. Некоторые сановники направлялись в одни и те же регионы неоднократно и на продолжительные сроки.

Важной вехой в развитии двусоставной системы стало правление вана Сечжо (1455-1468). Он пришел к власти в результате кровавого дворцового переворота, что вызвало сопротивление широких слоев чиновничества. Уже сформировавшийся к тому времени институт уполномоченных стал ключевым инструментом вана и его окружения в установлении прямого контроля в регионах и лишении оппозиционно настроенных групп чиновничества доступа к материальным и кадровым ресурсам. За четырнадцать лет правления Сечжо зафиксировано не менее 71 такой командировки, в провинции регулярно направлялись ближайшие к монарху сановники, которым в т.ч. передавалось повседневное руководство уездной администрацией и контроль за местными властями. При вane Сончжоне (1469-1495) произошло законодательное признание института уполномоченных. Таким образом, на протяжении XV в. практика отдельных поручений центральной власти постепенно приобрела черты устойчивого института провинциального управления, действовавшего параллельно с губернаторской администрацией.

В параграфе 4.3 «Статус, функции, аппарат института уполномоченных» отмечается, что для выполнения соответствующих поручений преимущественно привлекались высокопоставленные чиновники центрального аппарата, нередко занимавшие должности уровня руководителей Шести палат (*Юкчо*) и министров Государственного совета (*Бйчжонбу*) – высших исполнительных органов государства. Высокий ранг уполномоченных обеспечивал им необходимый служебный авторитет в провинциях. В отличие от губернаторов, продолжительность командировок и конкретный объем полномочий для уполномоченных не были законодательно регламентированы. Должностные наименования зависели от ранга чиновника и характера поручения, а круг прав и обязанностей определялся специальными предписаниями вана для каждой командировки.

Установлено, что содержание этих обязанностей в значительной степени дублировало законодательно закреплённые функции губернаторов, рассмотренные в третьей главе. При этом уполномоченные могли получать право непосредственно отдавать распоряжения провинциальным чиновникам, применять к ним взыскания. Для выполнения поручений им предоставлялся собственный временный аппарат, включавший заместителей, помощников, чиновников обеспечения, охрану, при необходимости — профессиональных военных и переводчиков.

Таким образом, анализ служебного положения и круга обязанностей уполномоченных подтверждает превращение этой системы в устойчиво функционировавший институт региональной власти, обладавший сложившейся задолго до официальной регламентации иерархией должностей, собственным аппаратом и широким кругом полномочий.

В параграфе 4.4 «Место института уполномоченных в бюрократической системе Кореи периода Чосон» отмечается, что деятельность уполномоченных позволяли двору эффективно решать значительное число экстренных задач, а также обеспечивать прямой оперативный контроль в регионах. Одновременно расширение практики направления высокопоставленных представителей монарха в провинции вызывало критику со стороны части чиновничества. Основными ее причинами были дублирование функций губернаторов и командующих провинциальными войсками, возникавшие вследствие этого противоречия в управлении, а также значительные расходы на содержание уполномоченных и сопровождавшего их аппарата, ложившиеся на местное население. Летописные материалы подтверждают, что параллельная деятельность губернаторов и уполномоченных, нередко имевших одинаковый служебный ранг, могла приводить к прямому столкновению их решений. Однозначная субординация между ними отсутствовала, а возникавшие разногласия разрешались центральной властью с учетом конкретных обстоятельств и аппаратного веса того или иного чиновника. Уполномоченный при необходимости мог полностью заменить губернатора: так, в 1447 г. Хван

Боину (1387-1453) было поручено временно исполнять все обязанности отстраненного от должности главы провинции Пхёнан.

В параграфе 4.5 «Роль института уполномоченных в системе провинциального управления на примере деятельности Хан Мёнхве» прослежена карьера одного из наиболее влиятельных государственных деятелей Кореи изучаемого времени. В период правления Сечжо Хан Мёнхве (1415-1487) неоднократно направлялся в провинции в качестве уполномоченного. Анализ командировочных предписаний и сопутствующей переписки показывает постепенное смещение его компетенций от надзора за местными властями к непосредственному руководству на местах. С 1460 г. губернаторам и командующим армиями северных провинций предписывалось подчиняться его распоряжениям. В целом проведенный в четвертой главе анализ подтверждает гипотезу о том, что институт уполномоченных к середине XV в. стал одним из устойчивых элементов провинциального управления государства Чосон. Он обеспечивал центральной власти дополнительную возможность непосредственного контроля и временного прямого управления в регионах.

В Заключение обобщены основные результаты исследования, резюмированы защищаемые положения. Отмечено, что сопоставление законодательных норм с летописными сведениями подтвердило результативность избранного в исследовании подхода к совместному рассмотрению нормативной модели и административной практики. Это позволило установить, что значительная часть официально закрепленных за губернаторами функций регулярно и в значительном объеме выполнялась также уполномоченными. Масштаб и систематичность совпадения полномочий, подтверждаемые в том числе свидетельствами современников, позволяют говорить о функционировании двусоставной системы провинциального управления, сформировавшейся в течение первого столетия существования государства Чосон.

Развитие обоих элементов высшего эшелона провинциального управления происходило в условиях борьбы различных групп правящего слоя за влияние на государственный аппарат и доступ к связанным с ним полномочиям и ресурсам. Заимствованные из китайской политической и административной традиции модели при этом перерабатывались применительно к условиям Кореи и задачам укрепления центральной власти. Если губернаторы обеспечивали постоянное руководство провинциальной администрацией, то уполномоченные предоставляли центральной власти возможность непосредственного вмешательства в управление регионами и решения крупных военных, хозяйственных, инфраструктурных и контрольных задач. К середине XV в. уполномоченные могли не только контролировать провинциальные власти, но и непосредственно руководить ими, а к концу столетия существование этого параллельного губернаторской власти института получило законодательное закрепление.

Ходом исследования установлено, что ключевыми факторами, воздействовавшими на формирование такой системы, были следующие.

Прежде всего, исторически и географически обусловленный недостаток экономических и силовых ресурсов у правящего дома ограничивал его возможность установить абсолютную власть и вынуждал допускать определенную автономию чиновной корпорации и ее достаточно существенное влияние на государственные дела. На этом фоне одной из определяющих задач в региональном управлении было формирование искусственно усложненной системы, исключавший чрезмерное усиление какого-либо лица или группы.

Одновременно с этим на все основные сферы государственной администрации оказывала влияние провоцируемая относительной слабостью ванской власти борьба приближенных, стремившихся поставить государственный аппарат на службу собственным и клановым интересам. В этом контексте идея централизации, имевшая для служилого сословия свою привлекательность, одновременно обнаруживала уязвимость с точки зрения практики. Еще одним важным феноменом общественно-политической жизни страны неизбежно становилось противодействие широких слоев служилого сословия концентрации влияния в руках узкого круга придворных.

В применении к предмету исследования эти противоречия выражались в следующем. Общая заинтересованность класса чиновников-землевладельцев в укреплении центральной власти и формировании стройной и прогнозируемой системы управления и перераспределения прибавочного продукта стала одним из базисных мотивов формирования кодифицированной системы государственного устройства. В рамках последней в основе вертикали провинциального администрирования был поставлен губернаторский институт. Одновременно установленный порядок ограничивал избыточную концентрацию власти в руках глав провинций.

Использование эмиссарской практики, ограничивая прямым контролем местные силы и объективно обеспечивая работу государственного механизма по централизованному сбору материальных ресурсов, отвечало коллективным интересам правящего сословия. С другой стороны, активизация применения институтов надзора способствовала укреплению власти монарха или (в зависимости от возраста, личных качеств, состояния здоровья вана) его ближайшего окружения. Не ограниченный каким бы то ни было законом институт уполномоченных позволял управлять важными проектами и осуществлять общее руководство напрямую, минуя бюрократическую машину, звеньями которой были многочисленные мелкие и средние чиновники. На этом этапе такая практика могла входить в противоречие с интересами широких слоев государственных служащих, в особенности губернаторского корпуса и уездных начальников, которым

приходилось нести ответственность за положение в провинции, параллельно теряя реальные полномочия.

Последующее развитие событий в целом подтвердило жизнеспособность и функциональную прочность двусоставной структуры провинциального управления в условиях доиндустриальной Кореи. Порой провоцируя противоречия в связи со сдваиванием ответственности, увеличивая расходы на содержание аппарата, она предотвращала усиление местных элит и более четырех веков способствовала решению главной для правящего сословия задачи – централизации государственного управления.

III. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В российских рецензируемых научных журналах из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

- 1) Пироженко О.С. Из истории корейского законодательства в XIV-XV вв. // Вестник Московского университета. М. 2023. №3.
- 2) Пироженко О.С. Глаза и уши Государя: о становлении института контроля провинциальных властей в Корее эпохи Чосон // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 1.
- 3) Пироженко О.С. Институт губернаторской власти в Корее XV–XIX вв.: по материалам кодекса законов «Кёнгук тэчжон» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 1.

Другие научные публикации:

- 4) Пироженко О.С. Об особенностях системы регионального управления Кореи в XIV–XV вв.: роль института уполномоченных чиновников на примере деятельности Хан Мёнхве из рода чхончжусских Ханов. // Корееведение. 2022. № 1;
- 5) Пироженко О.С. Великое уложение по управлению государством (Кёнгук тэчжон) как источник по истории Кореи // Источниковедение и историография Кореи: современные исследования. М.: Наука, 2026.